

Отечественная война 1812 г. и деятельность российских спецслужб

В статье раскрывается становление военной разведки в России, ее роль в Отечественной войне 1812 г. Показано создание военным министром России Михаилом Богдановичем Барклаем-де-Толли (1761–1818) с высочайшего указа Александра I «Секретной экспедиции», занимавшейся проведением военной разведки за рубежом, обобщением поступающей разведывательной информации, разработкой военной доктрины на случай наполеоновского вторжения в Россию и осуществлением секретных подготовительных мероприятий. Отмечены роль выдающихся русских разведчиков А. И. Чернышева и других, их заслуги по вербовке высокопоставленных французских военных и дипломатов, что позволило командованию русской армии получить реальное представление о французской армии и построить эффективную активную оборону во время арьергардных боев русских войск.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., военная разведка, «Секретная экспедиция», военная доктрина, вербовка высокопоставленных французских дипломатов, экономические диверсии французов, Александр I, Наполеон, М. Б. Барклай-де-Толли, М. И. Кутузов, А. И. Чернышев, В. Рославлев, П. Х. Витгенштейн, А. Х. Бенкендорф, Е. Ф. Канкрин, А. Н. Сеславин, Д. Давыдов, Рене Савари, М. Мишель, Шарль-Морис Талебран, Луи-Николя Даву, Карл Меттерних, «летучие» отряды, приемы психологической войны, военная контрразведка, агентура, резидент, диверсии на инженерных сооружениях

Natalya V. Fedorenko

The Patriotic War of 1812 and the Russian special reconnaissance

This article devotes with the beginning of the war reconnaissance in Russia and its importance in the Patriotic War of 1812. M. Barkley-de-Tolli organized the «Secret expedition», which made war reconnaissance out of Russia, analyzed the reconnaissance information, planned military aims to attacks the French troops. Author notes with the role of the famous Russian reconnaissance officers in the effective defense of the Fatherland.

Key words: the Patriotic War 1812, war reconnaissance, «Secret expedition», military aims, recruiting of the foreign diplomats, economic diversions of the French, Alexander I, Napoleon, M. Barkley-de-Tolli, M. Kutuzov, A. Chernyshev, V. Roslavlev, P. Vitgenshtein, A. Benkendorf, E. Kankrin, A. Seslavin, V. Davydov, Rene Savari, M. Michael, Sch.-M. Taleyran, L.-N. Davy, K. Metternikh, «flying» detachments, captures of psychological warfare, war counterintelligence, residents, diversions on the engineering constrictions

Прошло двести лет с момента наполеоновского вторжения в Россию, но историки по сей день в изложении тех событий придерживаются давнего стереотипа о заранее спланированном отступлении русских войск с опасением крупного сражения с французами, о возникновении «народной войны», которая «своей дубиной гвоздила французов до тех пор, пока не погубило все нашествие». Хотя Л. Н. Толстой прекрасно понимал, что в действительности никакой народной войны не было, его слова настолько удачно отражали дореволюционный миф о единении всех сословий при защите престола и советский – «народ и армия едины», что и нынешние историки никак не могут отказаться от этих клише. Заидеологизированный подход к давним событиям никак не хочет признавать, что история не может быть ни плохой, ни хорошей, она отражает то, что уже нельзя изменить, а можно только извратить, тем самым убедить людей в том, что якобы история в России непредсказуема, поскольку каждое поколение оценивает ее по-своему. Этот тезис политических конъю-

нктурщиков совсем еще недавно вдохновлял устроителей телепередачи «Суд времени».

Хотя о закрытости архивных материалов в России говорить уже не приходится, но, как, ни странно, до сих пор описание событий 1812 г. базируется на мизерном количестве документов, тогда как главное хранилище этих сведений – Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) – располагает несметным количеством вполне доступных сведений об Отечественной войне 1812 г. Вот только эти сведения порой вступают в непримиримое противоречие с казенными публикациями «квасных патриотов» на протяжении уже двух веков. Отечественная война высветила тогда немало долей закамуфлированных сторон российской действительности, ее влияние на последующий ход российской истории сказывалось как опосредованно, так и непосредственным образом, в том числе и на такую специфическую функцию государства, как деятельность спецслужб.

Первого февраля 1810 г. военным министром России стал Михаил Богданович Барклай-

де-Толли (1761–1818), который вскоре обратился к Александру I с предложением учредить в военном ведомстве «Секретную экспедицию», или «Особенную канцелярию», из 11 или 12 человек по добыванию разведывательных данных в европейских столицах. «Секретная экспедиция» занималась «всеми вопросами, которые с точки зрения военного министра были особо секретными, т. е. проведением разведки, обобщением поступающей разведывательной информации, выработкой рекомендаций для составления военных планов и осуществлением секретных подготовительных мероприятий, в частности передислокацией воинских частей на границе»¹.

Тогда еще генерал от инфантерии (т. е. «полный» генерал) М. Б. Барклай-де-Толли был глубоко убежден в скором военном столкновении с Наполеоном, тщательно анализировал военные события на полях Европы и стремился заблаговременно разработать систему мер противодействия будущей агрессии. Семь офицеров военно-дипломатической службы уже работали в этом направлении в Лондоне, Берлине, Париже, Дрездене, Мюнхене, Вене и Мадриде в должности российских военных агентов (так тогда назывались военные атташе при посольствах России). Наиболее полные данные де-Толли стремился получить о замыслах Наполеона. Особую роль военной министр поэтому отводил русскому военному агенту в Париже флигель-адъютанту свиты императора и полковнику Главного штаба Александру Ивановичу Чернышеву, человеку энергичному, инициативному, обладавшему развитыми аналитическими способностями, хотя по натуре и достаточно авантюристичному². 8 (20) февраля он доложил Александру I: «Война неотвратима и не замедлит разразиться»³.

К этому времени министр иностранных дел Франции Перигор-Шарль-Морис Талейран, князь Беневентский (1754–1838) еще в 1809 г. в переписке с Александром I инициативно предложил ему оказывать платные конфиденциальные услуги русской разведке, умолчав при этом, что он уже является платным агентом австрийцев. Вплоть до вторжения Наполеона в Россию за свою информацию исправно получал деньги через швейцарские банки. В последствие тайные русские счета для удобства оплаты агентуры появились и в Париже в «Банк де Франс». Через некоторое время Талейран был передан на связь А. И. Чернышеву.

А. Чернышев с полным правом заслуживает чести войти в историю русской военной разведки. По тем временам он явился наиболее талантливым и опытным разведчиком⁴. Александр Иванович в Париже избрал для себя

личину этакого «русского Казановы», женщин соблазнял направо и налево, кутил, внешне выглядел настолько легкомысленным, что, когда французский министр полиции Рене Савари герцог Ровиго заговорил с Наполеоном о своих подозрениях относительно А. И. Чернышева, император снисходительно уронил: «Он слишком ловелас, чтобы быть разведчиком!». И распорядился снять русского военного дипломата с наружного наблюдения. А. И. Чернышев ни разу не дал Савари повода инкриминировать ему какие-либо враждебные Франции действия, всегда был на виду у публики, однажды даже совершил героический поступок по спасению дам на пожаре, за что парижане потом буквально носили его на руках⁵. Рене Савари как контрразведчик-профессионал включил А. И. Чернышева в список подозреваемых лиц всего лишь в результате анализа оперативной обстановки. Из донесений закордонной агентуры он знал о систематической утечке за пределы Франции секретной информации. Савари пришел к выводу, что источники сведений следует искать в высших сферах французского общества и сделал ставку на слежку за вхожими в это общество иностранцами, поэтому установил за всеми, в том числе и за А. Чернышевым, негласное наружное наблюдение. Однако оно ничего в отношении русского военного агента не дало, потому-то Наполеон и распорядился «наружку» с А. Чернышева снять. Этому «ловеласу» удалось завербовать нескольких французских генералов и получить на связь завербованного несколько лет назад русским посланником некоего Мориса Мишеля, офицера учреждения, которое раз в два месяца готовило материалы для печатавшегося императору всего в одном экземпляре «Священного доклада». Этот доклад подробно оповещал французского монарха о состоянии армий, корпусов, дивизий, полков, батальонов и отдельных рот, местах и условиях их расположения и планировавшихся передислокаций частей и соединений. Мишель снимал копии с докладов, вскоре эти документы появлялись на столах сначала русского военного министра, потом Александра I. Через некоторое время в агентурной сети Чернышева оказались маршал Луи-Николя Даву и австрийский министр Карл Меттерних. А. И. Чернышев оказался блестящим военным аналитиком. После ознакомления с замыслами Наполеона он пришел к выводу, что французский император при вторжении в Россию надеется на наступательные действия русских войск в приграничных сражениях. Это позволяло Бонапарту при подавляющем превосходстве над русскими в живой силе и артиллерии разгромить противника уже в районе Немана и выйти на стратегиче-

ский простор. По поручению Барклая-де-Толли А. И. Чернышев и один из его коллег составили пространную справку российскому императору, в которой предлагали в случае войны вести активную оборону, но не ввязываться в генеральное сражение, постепенно отводить войска вглубь российской территории, оставляя противнику «выжженную» землю. Целью этого было добиться, чтобы французы расходовали живую силу на гарнизоны в занятых населенных пунктах и, в конце концов, уравнивать численность своей армии с русской.

Французская спецслужба тоже кое-чего добила по части добывания русских секретов, в частности, им удалось заполучить медные гравировальные доски для печатания топографических карт Западной территории России. В русском Главном штабе быстро спохватились и разработали контрмеры, незаметно потом подменив доски с реальным отражением местности фальшивыми, из-за чего Наполеон впоследствии яростно ругался: «Это что, тоже проделки Чернышева?».

К началу 1812 г. Рене Савари мог нащупать в поведении Мориса Мишеля признаки, подозрительные на шпионаж. К тому времени Мишель Чернышевым был переквалифицирован в категорию резидента и получил от русского военного агента в связь несколько человек агентыры из числа французских военных. Судя по всему, французской службе наружного наблюдения за секретносителями Мишель попался на снятии копии со «Священного доклада», был арестован как раз за пересчетом полученных от Чернышева 30 тысяч франков и через несколько дней казнен. А. И. Чернышев по способу срочной связи был своевременно оповещен о провале Мишеля, 26 февраля 1812 г. тайно покинул Париж, его объявили в розыск, но Чернышев ареста избежал. Дабы дискредитировать Чернышева в глазах парижской публики, Рене Савари в печати заявил, что этот «русский Казанова» совершил непростительный для разведчика ляпсус, оставив очередное сообщение изменника Мишеля у себя в кабинете и скрылся. Но логика событий позволяет подобное утверждение на веру не принимать. Рене Савари уже знал, что и кому Мишель передавал в своей шпионской деятельности, поэтому Савари, как говорят в разведке, просто «прокрутил время обратно». Начальник французской контрразведки давно уже возобновил тайную слежку за Чернышевым, после ареста Мишеля он просто положил в кабинете Чернышева экземпляр «Священного доклада» и публично заявил о разоблачении русского военного агента.

Александр I и Барклай-де-Толли аналитиче-

скую справку русских разведчиков восприняли с должным пониманием, в первые дни войны российский император даже отдал приказ готовить столичные учреждения и государственные материальные ценности к эвакуации. Во исполнение этого распоряжения императора на Север были отправлены ценности Эрмитажа и ряда других музеев, золотые запасы петербургских хранилищ и другие предметы. Военный министр на основании справки А. Чернышева понимал необходимость отвода русских войск вглубь России, но продумывал силы и способы активной обороны, в частности, именно он явился родоначальником понятия «партизан» как сугубо военного термина, не имевшего никакого отношения к вооруженным гражданским лицам. Партизаны того времени – временные непременно кавалерийские отряды, называвшиеся «партиями» для действий в тылах противника не по своему усмотрению, а с инициативным выполнением конкретных приказов командования. Перед этими «летучими» отрядами, по задумке главкома, должна ставиться основная задача – разрыв коммуникационных линий французской армии. Барклай-де-Толли заранее предусмотрел рейдирование кавалерии и военно-морских сил на территории и акваториях Польши и Пруссии для отвлечения вражеских сил от российских группировок.

К слову сказать, боевые действия летом 1812 г. на тогдашней франко-русской границе начались еще до переправы французов через р. Неман. 16 июня недалеко от Гродно французы со своего берега реки Лососьны открыли огонь по российскому таможенному посту «Добровольщизна»⁶. Одновременно обстрелу подвергся казачий пограничный пост 3-го Донского полка. Полноценные боевые действия, причем ежедневные, начались в ночь вторжения 23 июня. Это совершенно опровергает доныне распространенный шаблонный стереотип, что, мол, французская армия в ту ночь русский берег нашла пустым и от Немана до Бородина численностью свыше 400 тысяч человек основного эшелона прошла победным маршем. В следующем вместе с дополнительными резервами общая численность французских войск в России составила 610 тысяч солдат и офицеров⁷. Но вот вопрос: из шестисот тысяч французов куда делись к сентябрю того года 425–480 000 наполеоновских воинов? Это слишком много для охраны коммуникаций, защиты флангов или фуражировки. И с русской стороны из 237 000 человек, встретивших войну на западных границах, до Бородино дошли только 120 000. Известно, что в так называемый мануфактурный период ведения войн санитарные потери

в любой армии, по меньшей мере, втрое превышали боевые потери, но потеря свыше ста тысяч человек всего за два с половиной месяца никак не укладывается в привычное понятие о якобы планомерно непрерывно отступавшей русской армии. В действительности, по данным РГВИА, за первые 89 дней войны было не менее 200 боев-столкновений в виде перестрелок, стычек, кавалерийских схваток, налетов и вылазок⁸. За этот же период русские войска провели свыше 40 аррьер-гардных и авангардных боев, свыше 13 крупных боев, не менее 30 значимых сражений, таких как взятие Вильно 28 июня (все даты приводятся по новому стилю), победный морской рейд русско-английской эскадры из Риги в Данциг, наконец, Смоленское сражение. Прикрывая отход русских основных сил, казаки, драгуны, уланы и гусары непрерывно своими ударами беспокоили авангардные части французов. Русская кавалерия дала возможность 2-й Западной армии Багратиона оторваться от противника и вынудила французов идти по «выжженной земле». Русские не сжигали деревни и села, не травили колодцы, но вычерпывали их до грязи, фураж, что могли, увозили с собой, оставшееся сжигали. По аналогии с 1812 г. осенью и зимой 1941 г. советское руководство возродило тактику «выжженной земли», но уже выжженной в прямом смысле слова. Специальные диверсионные группы в немецком тылу по ночам поджигали крестьянские избы и пригодные для ночевки сараи. Именно на это была направлена Зоя Космодемьянская, попавшая в руки местных жителей и переданная ими немцам...

Наполеон поначалу действительно намеревался совершить марш своих армий на Петербург, но дорогу ему преградил корпус генерал-лейтенанта Петра Христиановича Витгенштейна, отбив натиск корпусов маршалов Николая-Шарля Удино и Лорана де Гувиона Сен-Сира. Армия генерала от кавалерии Александра Петровича Торماسова отвлекла на себя два корпуса противника, а в Мозыре корпус генерал-лейтенанта Эртеля приковал к себе польскую кавалерию и дивизию Яна Генрика Домбровского. 27 июня под Кобрином состоялось грандиозное сражение, в котором русские войска одержали первую крупную победу. 31 июля корпус Витгенштейна у деревни Клястицы разгромил превосходящие силы маршала Удино, который спешно отступил за р. Двину, уничтожив все мосты, отказался от марша на Санкт-Петербург. Долгое время полководческий талант П. Х. Витгенштейна, обрусевшего немца, в нашей стране правящей верхушкой замалчивался. Этому препятствовали то антинемецкие настроения при русском дворе, то Первая мировая война, то Великая Отечественная. Вдумчивый анализ деятельности Витгенштейна как военачальника

показывает этого генерала храбрым, бесконечно преданным России воином, умевшим прозорливо оценивать намерения противника. Недаром Александр I еще до полного изгнания Наполеона из пределов России официально назвал Витгенштейна «спасителем Петербурга»⁹. Дважды раненый у деревень Клястицы и Боярщина, он был награжден орденами святого Александра Невского и святого Георгия II класса, после смерти М. И. Кутузова он стал главнокомандующим русских войск и генерал-фельдмаршалом.

В дворянских кругах обеих столиц и губернских городов на почве незнания замысла главного командования росло недовольство Барклае-де-Толли, которого уже, не скрываясь, заглазно окрестили «Болтай да и только!». Среди людей низших сословий все чаще отмечались факты противодействия попыткам русских воинских команд уничтожить продовольствие и фураж, к этому добавилось сопротивление насильственной эвакуации. В немалой степени эта активность крестьян подпитывалась французской демагогией: вражеская пропаганда распространяла слухи о намерении французских властей на оккупированных территориях отменить крепостное право. До сих пор в умах многих людей прочно держится миф о народной войне против захватчиков, но стоит его пропустить через сито архивных материалов, подлинных приказов, справок, оперативных донесений, как немедленно возникают серьезные сомнения в достоверности немало числа «патриотических» сочинений. В РГВИА нет ни одного документа, который бы подтвердил проявления среди крестьян патриотизма и желания воевать за царя и Отечество. Наоборот, российское крестьянство в подавляющем большинстве относилось к войне крайне равнодушно, польское же и белорусское население западных губерний и вовсе приветствовало пришедших французов-освободителей. Даже в подмосковной Рузе отмечен случай радостной встречи наполеоновских войск. Объявленный русским правительством набор ополченцев был адресован, прежде всего, помещикам, которые должны были по своему усмотрению подбирать кадры ополчения, вести организационную работу по формированию «дружин», их снабжению и обучению. Исследования показывают, что до 70% ополченцев дезертировали еще до осени 1812 г. Они прятались по лесам, опасаясь, что их потом «забреют» в армию на 25 лет, как уже было в 1807 г. Формирование «дружин» из крестьян шло медленно, практически отсутствовала разъяснительная работа. Последнее привело к тому, что абсолютное большинство ополченцев воспринимало свое направление в «дружины» как рекрутский набор, хотя и всего лишь на пе-

риод военных действий на российской территории. Как известно, в России взятый в армию рекрут немедленно считался освобожденным от крепостной зависимости, после увольнения из армии он был свободным человеком. Ополченцы были убеждены, что они уже свободные люди, попытки помещиков управлять ими в прежнем порядке воспринимали «в штыки», нередко в прямом смысле слова. Все это вынуждало русское командование использовать дружинников только в пределах функций вспомогательных служб. Пользуясь временным безвластием, крестьяне нередко грабили и жгли усадьбы своих помещиков, на французских коммуникациях нападали на мизерные отряды фуражиров, преимущественно из мародерских соображений, так как при случае не гнушались нападать и на русские тыловые отряды. Такие факты отмечались с 10 июля 1812 г. вплоть до начала Заграничного похода русских войск. В ноябре 1812 г. генерал-лейтенант Федор Эртель докладывал адмиралу Чичагову о том, что при выходе из Мозыря, он не хотел бы отвечать за здешних жителей, поскольку их следует опасаться больше, чем неприятельских войск. Похожее говорил царю и московский губернатор Ростопчин. Он отмечал, что война вызвала среди русских крестьян буйство и непослушание, большую часть из них превратили в разбойников. Разумеется, наряду с армейскими партизанами, возникли и крестьянские отряды самообороны, но преимущественно для охраны от мародеров своих домов и имущества. В РГВИА нет ни одного подтверждающего документа о существовании отряда старостихи Василисы Кожинной, отмечен лишь факт, когда она однажды участвовала в конвоировании пленных французов и зверски расправилась с одним из них¹⁰. Неудивительно, что европейская конференция в Брюсселе в 1874 г. приняла постановление о нелегитимности народной войны в странах, подвергшихся агрессии извне. За это постановление потом ухватились немецкие фашисты, приравнивая любых партизан к бандитам.

Партизанская война в России в 1812 г. нигде не была крестьянской, она была успешной плановой частью кампании русской армии, руководило ею военное командование. Действительный организатор такой войны – Барклай-де-Толли. По его приказу в июле 1812 г. был сформирован первый Особый отдельный кавалерийский отряд в составе пяти полков под командованием генерала Фердинанда Федоровича Винценгероде. Его заместителем был полковник Александр Христофорович Бенкендорф, будущий шеф жандармов¹¹.

В начальный период войны русское правительство отход наших войск не могло объ-

яснить российской общественности, но власти не делали этого и тогда, когда боевые действия приблизились к границам Московской губернии. Барклай-де-Толли стоически выжидал момент, когда наступающая французская армия достигнет численности русских войск, чтобы дать противнику генеральное сражение, но Александром I был освобожден от должности главкома. Император не считал нужным защитить фельдмаршала, хотя и понимал, что Барклай-де-Толли действовал с его ведома. Прибывшему сменить главкома М. И. Кутузову только и оставалось, что утешить опального фельдмаршала: «Терпи, Барклай!».

Относительного равновесия сил противников дождался новый главнокомандующий, спланировавший Бородинское сражение. Однако равновесие было только в живой силе, а в артиллерии М. И. Кутузову удалось добиться перевеса. Так, с французской стороны вели огонь 587 орудий против 654 русских пушек. Результаты битвы при Бородино, как известно, вынудили М. И. Кутузова продолжить отход с оставлением Москвы, а переломной битвой в войне стало Тарутинское сражение¹².

Удивительно, но патриотическая деятельность русских военных агентов в Европе до войны, как и последующая работа нескольких офицеров в стане французских войск не получила должного признания. В нашей стране участие дворян в военной разведке в логове врага вплоть до 1917 г. считалось недостойным для людей благородного звания. Оно расценивалось как грязная необходимость. Ни А. Чернышев, ни другие военные разведчики не получили никаких наград, более того, о них намеренно молчали вплоть до начала Первой мировой войны.

Летом 1914 г. российская пресса неосторожно упомянула было о заслугах А. Чернышева по вербовке высокопоставленных французских военных и дипломатов, что вызвало во Франции шумный скандал. О Чернышеве и его коллегах в России забыли еще на восемьдесят с лишним лет, чего не скажешь об отношении российского правительства к сотрудникам императорской политической разведки и контрразведки. Достаточно сказать, что еще со времен Бенкендорфа офицерами Отдельного корпуса жандармов не имели права быть даже личные дворяне, а только потомственные.

Что касается деятельности военных разведчиков в военном 1812 г., то в силу неразвитости на тот год самой структуры военной разведки добывание сведений о противнике агентурным путем носило спорадический характер. Наиболее заметным русским разведчиком в наполеоновской армии, пожалуй, был один лишь Владимир

Рославлев, этакий «Штирлиц» того времени. Как и его собратья по специфическому труду, этот офицер тоже сгинул в пыли военных архивов. В то же время русское командование широко применяло войсковую разведку. Ею занимались практически все командиры частей и соединений путем войскового наблюдения, посылкой в ближние французские тылы партий «охотников», опроса местного населения и допроса военнопленных. Но наибольшую активность проявляли в дальних французских тылах командиры партизанских «партий» из состава регулярных войск. Их информация о противнике была наиболее существенной. Командиры «партий» подчинялись непосредственно главкому, по мере продвижения русских войск на запад партизаны шли параллельными с французами маршрутами, у них была налажена достаточно устойчивая эстафетная связь со штабами русских войск. В то же время прямое подчинение партизанских командиров непосредственно главкому нередко отрицательно сказывалось на процессе их награждения, поскольку о личности партизанского командира главком в силу огромной занятости мог вспоминать в относительно редкие свободные минуты. Кроме него представление на орден или медаль готовить было некому.

Партизанские командиры в рамках войсковой разведки опирались не только на местное население, нередко они сами проникали в подразделения и части противника, экипируясь то в офицерскую французскую форму, то в одежды крестьян. В этом плане особенно отличались Александр Никитич Сеславин и знаменитый Денис Давыдов. Менее результативным был партизан Александр Фигнер, которого немало число французских офицеров знало по приметам из-за особой жестокости А. Фигнера по отношению к пленным. Не жаловали этого офицера и русские крестьяне, которые видели в нем скорее самодура-помещика, а не освободителя русской земли.

В арсенале средств ведения победоносной войны у французской армии за два десятилетия постоянных сражений накопилось немало примеров успешных экономических диверсий, приемов психологической войны, использования на полях сражений передовых на тот момент технических изобретений, пригодных для военных нужд. Это всегда ставило перед противниками французов все новые задачи по нивелированию вредных последствий вражеской подрывной деятельности. Перед вторжением в Россию Наполеон предусмотрел изготовление огромного количества российских фальшивых ассигнаций различного достоинства. Эти денежные знаки на оккупированных территориях оседали в карманах русских людей и постепенно проникали в незанятые про-

тивником районы. Но главной мишенью распространения французских финансовых фальшивок были глубинные губернии России, куда «сбрасывались» поддельные деньги с помощью специальных агентов – «маршрутников». Российские власти в целом оказались бессильными как-либо ослабить диверсии, потом в итоге это явилось одной из причин глубоких финансовых реформ министра финансов Егора Францевича Канкрин.

Неожиданным для русских войск оказалось и периодическое применение французами перед сражением и в ходе его привязных воздушных шаров-монгольфьеров, с которых при помощи оптических средств наблюдатели-корректировщики могли просматривать окружающую местность на десятки верст. Забрасываемые в русские тылы французские агенты из числа лиц славянских национальностей сеяли панические слухи, распространяли выгодную французам информацию, вели наблюдение за русскими войсковыми резервами, по возможности совершали диверсии на инженерных сооружениях. Российское же контрразведывательное противодействие методам и объему психологической войны так и не смогло добиться адекватных ответов противникам вплоть до 1917 г.

С учетом всех возникавших перед русской армией проблем центральная власть в Санкт-Петербурге оказалась неготовой создать организационные структуры соответствующих институтов государства. Военная разведка существовала всего два года, а военная контрразведка вовсе отсутствовала, поэтому борьба с подрывной деятельностью противника поневоле была возложена на местные органы государственной и муниципальной полиции. Понятие «полиция» не видовое, а родовое. Государственная полиция осуществляет политический сыск у себя в стране и за рубежом, существует во всех развитых странах с незапамятных времен. Так, в России она организационно оформилась еще при Иване IV, в Англии – в XVII в., одним из их первых контрразведчиков был писатель Даниель Дефо. Муниципальная полиция выполняет разнообразные функции, но только не стратегические, подчиняется местным органам власти. Неудивительно, что борьбу с вражеской подрывной деятельностью возложили на полицию как на государственную, так и на муниципальную. Не оставались в стороне от этой работы и воинские части регулярной армии. При необходимости они охраняли военные объекты, задержанных подозреваемых лиц и производили «зачистку» прилегающей территории перед крупным сражением. Служащие государственной полиции (жандармы) взяли на учет практически всех проживавших в России иностранцев, казавшихся подозритель-

ными французов интернировали, приглядывали с помощью агентуры и за эмигрантами-роялистами.

С изгнанием французов из пределов России правительство пришло к выводу о нецелесообразности создания специального органа по ограждению армии и флота от вражеских поползновений. Эту функцию они возложили на Особый отдел Отдельного корпуса жандармов, впоследствии – Особый отдел охранного отделения ОКЖ. Стратегическая же военная разведка, хотя и не быстро, но все же развивалась, постепенно обрела в своей структуре Восточный, Морской и другие отделы, а политическая заграничная разведка спустя десятилетия была признана наиболее эффективной в мире.

Отечественная война 1812 г. и последовавший Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. оказали большое влияние на многие стороны жизни нашей страны. Не стало исключением и секретная деятельность спецслужб. После 1815 г. внешне казалось, что у России нет серьезных потенциальных врагов. Внушавшая без малого четверть века всей Европе страх Франция была повержена, в ней полным ходом шла Реставрация Бурбонов под неусыпным контролем победителей, Венский конгресс объединил Россию, Пруссию и Австро-Венгрию в Священный союз международной контрреволюции. За пределами континентальной Европы оставалась не связанная ни с кем договорными обязательствами Англия, но в России не привыкли относить эту страну к числу извечных противников, поэтому агентурные позиции военной разведки в Лондоне до поры до времени большого значения не имели. Ошибка в оценке внешней политики Англии русским правительством осознается нескоро. А пока основные устремления российских спецслужб были нацелены на Балканы и на мусульманский Восток, где главными противниками России были провозглашены Турция и Персия. Они вызывали беспокойство и интерес еще со времен царей Михаила Федоровича (11596–1645) и Алексея Михайловича (1629–1676), поэтому разведывательные усилия России на юге имели прочную основу и богатый опыт. Отлаженная система политической заграничной разведки по Турции у русских сложилась еще с 1630 г. Их опорой были православные монахи, торговцы-славяне, иерархи православия из числа греков. К 1720 г. в Стамбуле у русских разведчиков под дипломатическим прикрытием сложилась устойчивая практика вербовки агентуры из турок. В 1740 г. русский резидент в Стамбуле Алексей Андреевич Вешняков впервые стал использовать институт доверенных лиц, ввел понятия «явочная квартира», но и у него по-прежнему «хромала» конспирация в плане использования надежных

шифров, отсутствовали агентурные псевдонимы. В дипломатической почте в столицу указывались открытые имена агентуры и доверенных лиц. Но в целом русская разведка южного направления достаточно полно обеспечивала правительство необходимой информацией.

Если военная контрразведка после войны 1812 г. так и не обрела независимого существования, то контрразведка политическая в России развивалась бурными темпами, причем в разное время при весьма непохожих друг на друга обстоятельствах. Если вплоть до конца XVIII в. в России были систематические пытки допрашиваемых, то с восшествием на престол Александра I в 1801 г. пытки при допросах были законодательно запрещены. В то же время для усиления полицейского надзора по настоянию М. М. Сперанского в 1810 г. образовали Министерство полиции, рьяно наделили его таким перечнем несвойственных полицейским обязанностей, что через девять лет его ликвидировали «за профессиональной непригодностью административного аппарата». Муниципальную полицию снова передали местным властям, государственная же с приходом А. Х. Бенкендорфа начала обретать «второе дыхание». В Западной Европе отдел заграничной агентуры Отдельного корпуса жандармов (ЗАГ ОКЖ) под руководством виртуоза агентурно-оперативной работы Леонтия Дубельта поместил «под колпак» полицейской слежки все эмигрантские революционные группы не только русских, но и поляков, и венгров, и даже французов. Вот только долго не знал Александр Христофорович, что его родная сестра, жена русского посла в Лондоне, была завербована прусской разведкой! Но и А. Х. Бенкендорф с Л. Дубельтом в накладе не остались. Они впервые ввели в практику понятия «профилактика через агентуру» и «вербовка под чужим флагом». Первое предусматривает подводку агента к ничего не подозревающему разрабатываемому лицу, которому агент исключительно «по дружбе» доводит отработанную линию поведения и мягко предупреждает о возможной физической расправе со стороны нехороших «лихих» людей, если разрабатываемый не свернет свою активную антиправительственную деятельность.

Как и в 1812 г., справедливый характер Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. использовался царской пропагандой для усиления верноподданнических настроений среди всех слоев населения. Опыт партизанской войны силами только регулярной армии в России бережно сохранялся и был немедленно использован в 1915 г., когда русские войска вынуждены были оставить значительные территории империи, а местное население Генштабом в расчет не принималось,

опять же исходя из опыта Отечественной войны. Командование императорской армии помнило, как привлечение крестьян в ополчение 1812 г. породило массу разбойничьих шаек, а широкое использование на фронте иррегулярных сил (Донского казачества и др.) в итоге превратило казаков в слабоуправляемую массу мародеров, лагеря которых, по словам А. Х. Бенкендорфа, обычно походили на воровские притоны. Официальная историография все негативные факты периода Отечественной войны тщательно замалчивает до сих пор, но русское командование, как во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., так и в годы Первой мировой весь этот негатив помнило и учитывало.

В XIX в. постепенно стала разделяться на различные направления войсковая разведка. Наряду уже с существовавшей военно-инженерной разведкой местности после Отечественной войны по мере роста качества огня орудий появилась артиллерийская разведка, ставшая впоследствии артиллерийско-инструментальной¹³. Для более точного определения будущих артиллерийских целей в ближний тыл противника стали высылаться разведчики-наблюдатели. В академии Генерального штаба России на разведывательном отделении сложилась кафедра изучения военной формы армий всех ведущих стран мира. Это позволило при необходимости в военное время безошибочно готовить образцы вражеской военной одежды. Война с Наполеоном показала острую необходимость систематического допроса военнопленных, именно в то время получило распространение в войсковой разведке «взятие языка». Если тогда офицеры-дворяне свободно владели иностранными языками, прежде всего французским, то уже с 30-х гг. XIX в. в связи с повышенной убылью командного состава на Кавказской войне и общим увеличением численности русской армии офицерами начали становиться разночинцы и даже бывшие крепостные. Отныне во всех военно-учебных заведениях России стали преподавать иностранные языки «вероятного противника», как восточные, так и западноевропейские. Но вот японский и китайский языки в обучение так и не ввели.

Значение и опыт Отечественной войны 1812 г. вряд ли в наши дни себя исчерпали. Будущие события в жизни не только России могут дать такие повороты, что поневоле вспомнятся и те славные дни для русской армии, и те прошлые идеологические потуги власти для обволакивания идеологической демагогией своих действительных устремлений, и многое другое, что лишней раз подтвердит извечный вывод истории: первая жертва на любой войне – правда. Защита Отечества в 1812 г. была для русской армии непреложным законом, эту войну потом

справедливо назвали Отечественной. Боевые действия русских войск в Болгарии в 1877–1878 гг. официальная пропаганда, по светлой памяти 1812 г., называла войной русского народа в Болгарской Отечественной войне. С этим тоже никто не брался спорить. Но вот грянула Первая мировая война, и официальная российская пропаганда вплоть до лета 1917 г. заливалась призывами захватить Босфор и Дарданеллы, называя эту войну «Второй Отечественной» на том лишь основании, что Польшу, часть Украины и почти всю Прибалтику оккупировали немецкие войска. Казалось бы, эти давние события должны безвозвратно кануть в Лету, однако и в наши дни в стремлении посильнее облить грязью своих политических противников, тоже-историки все чаще упоминают «Отечественную войну 1914–1917 гг.», ссылаясь на опыт борьбы с Наполеоном. С позиций подобной демагогии один лишь факт ведения боевых действий на территории определенной страны уже дает право правительству этой страны называть войну Отечественной. Причины войны и цели воюющих сторон при этом значения не имеют. Такие тоже-историки смыкаются с поведением Наполеона и Гитлера, которые в 1814 и 1945 гг. развязанные ими войны называли Отечественными, призывая французов и немцев побольше отдать своих жизней для защиты обанкротившихся политиков. Историческое знание не зря считается основой любого знания, и помните об этом – гражданский долг любого преподавателя.

Примечания

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 44. Д. 552. Л. 1–7 об.

² Алексеев М. Н. У истоков: Александр Чернышев // Элита русской разведки. М., 2005. С. 49–91.

³ Воронов В. «Белые пятна войны» войны 1812 г. // Совершенно секретно: междунар. ежемесячник. 2012. № 8 (279). С. 14–16.

⁴ Алексеев М. Н. Наш человек в Париже // Родина. 1996. № 6.

⁵ Алексеев М. Н. Военная разведка Российской империи – от Александра I до Александра II. М.: Вече, 2010. 480 с.: ил. (Хроники тайной войны).

⁶ Воронов В. Указ. соч. С. 14–16.

⁷ Там же. С.15.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Алексеев М. Н. Военная разведка Российской империи – от Александра I до Александра II. С. 23.

¹² Поликарпов Н. П. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 г. М.: РГВИА, 2011. С. 15.

¹³ Федоренко П. П. Антология научно-технической мысли в военном деле. СПб.: Фонд Отечество, 2007. С. 250.